

Саша Магнолева

Букет из двух
нарциссов

СС СОДЕРЖИТ
НЕЦ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Магнолева

Букет из двух нарциссов

«Автор»

2018

Магнолева С.

Букет из двух нарциссов / С. Магнолева — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12132-4

Наташа Кошкина всегда выбирала легкие пути, но они завели ее совсем не туда, куда она мечтала попасть. В 22 года она была уверена, что станет известным писателем и женой успешного мужчины, а в 35 вдруг обнаружила, что моет чужие туалеты в США, пока ее сын живет с ее родителями. Работа уборщицы оказывается более интересной, чем думалось, а люди, которых она встречает, помогают ей понять, чего она хочет от жизни, и измениться. Ей предстоит попасть во множество смешных и грустных ситуаций, влюбиться в загадочного миллионера и выяснить наконец, кто отец ее сына. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-12132-4

© Магнолева С., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Танец со шваброй	5
Глава 2. Пока мой ребенок спит	10
Глава 3. За счет графства Мерсер	11
Глава 4. Царица Савская	12
Глава 5. Много ли на глобус выпьешь?	15
Глава 6. Таблетка от зависти	16
Глава 7. Женщина, которую я люблю	20
Глава 8. Тайный сын	22
Глава 9. Именем Господа	24
Глава 10. Заклинатель зеленого змия	26
Глава 11. Польская знать	29
Глава 12. Слава Богу, пятница!	31
Глава 13. Дети, кухня, церковь	33
Глава 14. Однополосное движение	36
Глава 15. Потребительский рай	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Саша Магнолева

Букет из двух нарциссов

Глава 1. Танец со шваброй

– Четыре часа, он поляк, она темна, – сказала Христина, не уточнив, темна эта «она» лицом, умом или душой.

Впрочем, мне это было безразлично, меня больше интересовал «он поляк»: за время пути Христина уже несколько раз успела упомянуть, что хозяин дома – очень высокий мужчина. Я сразу представила себе красивого двухметрового брюнета: синие глаза, косая сажень в плечах, и упаковано это все в дорогой элегантный костюм. Последний вывод я сделала по особняку, к которому мы подъезжали: у владельца такого роскошного дома все должно быть экстра-класса. Да, ради такой жизни, может, и стоит эмигрировать в Америку. Но точно не ради моей.

– Наташа, приехали, – подала голос Христина. – Слушай, девушка, хозяева высокие, так что будь внимательна, не забывай с верхних полок пыль стирать.

Я кивнула, вышла из машины и, зевая по поводу раннего утра, достала из багажника пылесос и швабру. Пока мы с Христиной стояли перед дверью в особняк, я изнывала от любопытства насчет поляка, но он подло обманул мои ожидания.

Дверь открылась, и я увидела длинного тощего мужчину с изнуренным землистым лицом, темно-русыми волосами и тонкими бледными губами. На нем были мешковатые джинсы, рубашка в клеточку и мокасины. Честно говоря, он не был похож ни на поляка, ни на мужчину моей мечты, так что мне даже не было обидно, что у него есть «она темна».

Христина по-польски скороговоркой сказала ему, что я новая уборщица, и испарилась. Я застыла в прихожей, ожидая инструкций.

– Гавел, – представился он, удивив меня неожиданно звучным гортанным голосом. За три недели жизни в США я привыкла, что поляки шипят и скворчат.

– Наташа.

– Приятно познакомиться! – сказал он по-английски. – На каком языке вам легче разговаривать?

– Польский я пока знаю плохо, так что лучше по-английски.

– Пока... – задумчиво повторил он, а затем начал водить меня по дому. – Эта спальня, эта ванная, эта спальня и эта ванная, кухня, столовая, эти две комнаты.

Затем эта немногословная экскурсия продолжилась на втором этаже.

– Тут ванная, тут гардеробная. Тут ванная и комната, – наконец сказал он, завершая путешествие по дому.

Потом Гавел показал мне, где хранится бытовая химия, и я приступила к работе. Ее явно ожидалось много: пока он водил меня по особняку, я успела заметить, что в доме идет ремонт, и все поверхности покрыла строительная пыль. Такую не смахнешь метелочкой, придется все протирать влажной тряпкой, да еще и стремянку за собой по дому таскать. В этот момент я начала ненавидеть высоких людей.

Это был мой четвертый понедельник в качестве американской уборщицы, и мне даже начало казаться, что жизнь пошла на лад. Первые две недели я каждый день боялась умереть от боли во всем теле и не верила, что дом с четырьмя ванными и шестью комнатами можно отмыть до блеска за четыре часа. На третью неделю я научилась прибираться быстро, мышцы болеть перестали, а мысль, что теперь у меня зарплата каждую пятницу, грела душу. Мне даже

нравилась эта работа: моешь себе красивые дома, делая их еще красивее, и думаешь, о чем хочешь, а не о тиражах, плане номера и изменчивом настроении гендиректора.

На втором этаже мебели почти не было, если не считать кронштейнов с дизайнерской одеждой, заполонивших гардеробную – комнату размером с мою российскую квартиру. А вдоль стен в три ряда высились колонны из обувных коробок, доходившие мне до груди. «Она темна» явно любила красивые вещи. Что ж она мужа-то себе такого выбрала?

Закончив уборку наверху, я спустилась. Пан сидел в столовой и читал газету. Это меня удивило. Судя по дому, он должен быть большим боссом, а с чтением газеты дома в 10 утра это как-то не вяжется. Хотя, возможно, он настолько большой босс, что ему нет нужды приглядывать за подчиненными – это делают другие подчиненные.

Зато уборку, как оказалось минутой позже, он контролировал исключительно сам и от и до. Меня немного смутило, что он побегал наверх, как только я оказалась в столовой, но вот чего я совсем не ожидала, так это услышать его зов сверху. Поднявшись, я обнаружила его в ванной, склонившегося над мраморной раковиной.

– Тут пятно. Ты его оттирала? – спросил пан, тыкая худым пальцем в микроскопическое пятнышко, которое было, я полагаю, просто особенностью расцветки мрамора.

– Да, но не помогло.

– Хлорными салфетками пробовала?

– Да. Не помогло.

Он слетал за салфетками и сам стал тереть это пятно.

Через пару минут пан осознал тщетность этих попыток и успокоился, а я наконец пошла прибираться на первом этаже.

Супружеская спальня, огромная, полупустая и гулкая, напоминала ангар. Это впечатление было особенно сильным оттого, что потолка в комнате не было – подняв голову, вместо привычного белого прямоугольника я увидела лишь встречающиеся где-то в вышине скаты крыши и свисающую на длинном тросе громоздкую хрустальную люстру. Тут тоже были кронштейны с одеждой, на этот раз мужской – много-много элегантных костюмов и красивых рубашек от лучших брендов, большинство – с еще не отрезанными бирками. И почему пан их не носит?

Протирая пыль с антикварного комода, я отметила, что на нем гипсовый бюст Франклина соседствует с эбонитовой головой Нефертити. У хозяев дома вообще была какая-то нездоровая страсть к головам – в углу спальни смотрела на себя в зеркало голова тетки в цветочном венке, а в ванной из макушки Будды торчали ароматические палочки.

Вместо прикроватных тумбочек по бокам брачного ложа стояли зеркальные сундуки, опоясанные ремнями из грубой телячьей кожи. На одном из них лежал очень маленький блокнотик с бархатной обложкой, на которой было по-английски написано «Амбициозные идеи». Я не удержалась и открыла его. Опять разочарование – страницы были абсолютно чистыми.

С самим сундуком пришлось повозиться: по неизвестной причине его облюбовали мухи, а на зеркальной поверхности каждое пятнышко – это два пятнышка. Но, как говорит Христина, «трошку¹ «Виндексу», и все сойдет». Стеклоочиститель «Виндекс» вообще был панацеей от всех бед: им облагораживали не только окна и зеркала, но и мраморные столешницы, раковины, ванны, кафель и унитазы. И даже заросшие жиром микроволновки чистили, обильно прыскавая их внутри «Виндексом», закрывая на пять минут, а потом легко снимая всю грязь бумажным полотенцем.

Когда я перешла ко второму сундуку, меня впечатлила стоящая на нем стопка книг. Одни только названия чего стоили! «Быть боссом», «Белые пятна черного континента», «Архитек-

¹ Немного (польск.)

тура выбора», «Путеводитель по лжи» – казалось, их купили ради интригующих заголовков. Я даже решила, что пан небезнадежен.

Впрочем, хорошего отношения к нему мне хватило ненадолго – ровно до того момента, как он нашел едва заметные разводы на стеклянной двери душевой кабины, пыль внутри батареи и отпечаток пальца на задней стенке зеркального сундука. Нет, таких чокнутых перфекционистов я еще не встречала! И живет же с ним кто-то! Но больше всего бесило то, что он оглашал свои претензии ровным тоном, будто вел со мной светскую беседу.

Несмотря на крайнюю придирчивость, Гавел был не то что добродушным или дружелюбным, но вышколенно-вежливым и местами даже учтивым. Когда я заканчивала мыть кухню, он неожиданно разговорился.

– Я немного учил русский, – сказал пан заискивающим тоном по-английски.

– Ну, как все, наверное, в школе, – пожала я плечами и записала его в двоичники.

Все-таки в Польше русский обязательным предметом был, мог бы выучить и получше. Пан моей фразы не понял, но вдруг заявил по-русски:

– Я приехал сюда из Соединенных штатов Америки.

А потом, не дав мне прийти в себя, спросил по-английски:

– Ну, как я говорю по-русски? Я знаю всего несколько фраз. Мой русский очень беден...

– Беден? Нет, он не беден, он просто голодранец! – заявила я, надеясь, что после этого пан меня уволит, и мне никогда больше не придется мыть внутренности батареи.

– Голодранец... – повторил пан Американ мне вслед, будто перекатывая это слово во рту и пробуя на вкус, как вино. – Голодранец...

Когда за мной приехала Христина, пан поболтал с ней несколько минут, тщательно пряча в кулаке зеленую купюру. Затем, едва Христина вышла, Гавел стыдливо втиснул деньги в мою ладонь, будто второклассник – любовную записочку. И вдруг улыбнулся, так быстро, что я даже растерялась.

– Какие хорошие зубы. Интересно, свои? – спросила я, как оказалось, вслух.

– Год назад импланты вставил. Это обошлось мне в сто тысяч долларов, – сообщил пан с такой готовностью, будто речь шла о покупке подлинника Моне.

– Улыбайся почаще. Так рентабельнее.

В машине я рассмотрела данную им банкноту и удивилась – целых 20 долларов, как за два часа работы! Впрочем, с зубами, стоящими, как квартира в Питере, можно себе такое позволить.

– Как тебе Гавел? – с ехидством спросила меня Христина.

– Если бы не щедрые чаевые, я бы его прокляла.

Христина понимающе расхохоталась. И повезла меня творить чистоту и уют дальше.

За что я люблю французов, так это за то, что с ними можно расслабиться. Подключила планшет к вай-фаю, выбрала сериальчик, и намывай себе неспеша их милый домик. Грязи особой нет, так – освежить. Но сегодня меня распирало от новостей, поэтому первым делом я открыла Скайп. Отлично, Маринка на месте!

– Привет, американка! – радостно заорала она.

– Если бы ты видела местных женщин, то поняла бы, что это звучит как оскорбление, – надулась я.

– А мужики симпатичные?

– Да как сказать. Смотришь, бывает, на мужчину – черты лица красивые, ухоженный, подтянутый, но вот не тянет к нему!

– А как на работе?

– Представляешь, прибиралась с утра в одном доме, там все в луи виттонах и гуччи! Даже набор для бритья чуть ли не с инкрустацией. Вообще особняк шикарный!

– А хозяин тоже шикарный?

– Не. Жухлый поляк. Заставил меня весь дом вылизать и батарею внутри вымыть!

– Ого, у парня мания!

– Мне кажется, даже не одна. Знаешь, я думаю, люди, которые так следят за чистотой, имеют очень грязные желания.

– А ты проверь!

– Ну уж нет! Вообще не представляю, как жена этого пана Американа терпит!

– Тебе не угодишь! То жухлый, то женат.

– Я сама боюсь остаться в девках...

– Да ладно! И в 70 лет выходят замуж.

– Да, но удовольствие уже не то.

– Кстати, ты с Серегой часто общаешься?

– Да вообще еще ни разу его не видела, как в Штаты приехала. Он три недели в лагере был, а мобильник без интернета. Сегодня поздно вечером вернется. Слушай, мне пора, я же тут не в гостях.

Распрошавшись с подругой, я пошла мыть дом. Ну, как мыть – для начала я сделала себе кофе и включила сериал, уверенная, что эта небольшая радость поможет мне пережить еще один день, наполненный мытьем чужих унитазов.

Через три часа дом сиял. Я с гордостью его оглядела, хваля себя за хорошую работу. Это был один из моих любимых домов: покладистые хозяева – мама, папа и две дочери-подростка, – с которыми я почти никогда не сталкиваюсь, написанный на роутере пароль от интернета, вкусняшки в открытом доступе. А главное, тут ничего не приходится с усилием отмывать, еле подавляя брезгливость. О небеса, храните этого французского папу, который не метит со всех сторон унитаз, как делает большинство американцев! Возможно, ради чистоты он писает сидя, но я его за это осуждать не буду.

Я в этот день заканчивала позже всех, поэтому в минивэне Христины уже сидели все остальные клининг-леди нашего сервиса. До моего прихода сервис был чисто польским, но через неделю после меня Христина взяла киргизку Иру (по родному паспорту Ырыскан, а пограничному – и вовсе что-то невообразимое), а еще через неделю – по мере выбывания сотрудниц-полячек – белоруску Машу. Так я получила право хвастаться перед российскими знакомыми, что в Америке работаю в международной компании.

Кроме Иры и Маши, были еще Мария и Агнешка, обе из Польши. Мария – тихая пожилая женщина, если не сказать старушка. Однако, несмотря на морщины, седину и артритные пальцы, заглянув в ее голубые глаза, можно было забыть, сколько ей лет, – так ярко они сияли жаждой жизни.

Агнешка, крашенная блондинка за пятьдесят, на родине работала оператором в колл-центре и в качестве профессиональной деформации приобрела привычку болтать часами, не затыкаясь ни на минуту. Первые рабочие дни меня это страшно раздражало, но потом я научилась отключаться, думая о своем. Это было не так уж сложно, учитывая, что мой польский был чуть богаче, чем русский пана Американа.

Я смотрела на улицы Принстона, по которым мы проезжали, и с грустью думала, почему мне так не везет. Такой милый элегантный городок (прямо не верится, что это Америка!), уютные кафешечки, престижный университет, красивые здания, – а я тут не гуляю, не учусь, не живу, я тут драю чужие дома!

Помню, в школе на какой-то праздник было у нас такое развлечение – пока играет музыка, все танцуют сами по себе, потом музыку резко выключают, и нужно разбиться на пары.

Кому пары не досталось, тот танцует со шваброй. Мне этого ни разу делать не пришлось – у мальчиков я была нарасхват. Зато во взрослой жизни мне не досталось ни хорошего мужа, ни карьеры, и теперь только и остается, что танцевать со шваброй. Хм, говорят, плохая примета – встретить бабу с пустым ведром. На самом деле гораздо хуже, когда ведро у бабы полное воды с моющим средством, а встречаешь ты ее в зеркале.

Впереди уже показалась вывеска фермерского магазина, куда я обычно ходила за мороженым с пеканом и карамелью. Я подумала, что через пару минут буду дома, в Юинге, и загрустила: машина Христины была куда комфортнее, чем комната, которую я снимала пополам с другой девушкой, тоже работавшей на уборке домов.

Из забытья меня вывело то, что Агнешка произнесла мое имя. Она явно что-то у меня спрашивала. Я вопросительно посмотрела на Христину через зеркало. Та перевела:

– Агнешка спрашивает, не стрессуешься ли ты из-за этой работы.

– Нет.

Агнешка поняла мой ответ без помощи Христины и снова затараторила. Христина опять перевела:

– Спрашивает, кем ты была в России.

– Редактором.

Снова тирада по-польски и перевод:

– Тебе после работы редактора не унизительно полы мыть?

– Нет. Даже приятно. Никто тебе весь день мозг не трахает, и работу на дом брать не приходится.

Христина, отсмеявшись, перевела мои слова Агнешке. Та захохала, а потом наконец замолкла, видимо, потрясенная моим философским отношением к жизни.

Глава 2. Пока мой ребенок спит

Христина высадила меня у польской кулинарии, и я купила на ужин куриную котлету и пироги – польские вареники – с картошкой. Домой идти не хотелось, и я присела за столик в самой кулинарии. Собственно, это было одно из немногих мест, где в нашем городишке можно было перекусить сидя. Недалеко была еще пара забегаловок, но те торговали исключительно навынос.

Я ела так медленно, что пироги успели остыть, и последние были совсем уж склизкими и холодными. Я постаралась их поскорее проглотить и решила пойти за пончиком за девяносто девять центов в сетевое кафе – на десерт в польской кулинарии мне денег было жалко.

Из аттракционов в нашей местности оставались еще дисконтный магазин с брендовыми вещичками и прачечная, но в первый я запретила себе ходить, пока не накоплю три тысячи долларов, а вторая была уже закрыта. Поэтому, купив пончик, я пошла домой, на Еловую улицу. Или Сосновую. Или Хвойную, кто ж их разберет, эти американские названия.

Соседей дома еще не было, и я почувствовала себя счастливой, наслаждаясь чаем с пончиком на пустой кухне. Я помыла чашку и контейнер, из которого в обед ела в машине салат с тунцом, вытерла стол и посмотрела на часы. Было только восемь вечера, а мне как-то надо было продержаться до полуночи, когда в России настанет утро, и я смогу позвонить родным.

Наконец, посмотрев шесть серий детективного сериала и слегка поругавшись с соседями из-за пакетов с мусором под их дверью, я нажала на заветную кнопочку в Скайпе.

Почти мгновенно на экране появилась румяная мордочка Сережи. Ой, как волосы-то закудрявились! Прямо как у Васи. Может, все-таки от него?

Я смотрела на своего ребенка, стремительно превращавшегося во взрослого, но все еще мило-наивного мужика, и молчала – все не могла наглядеться, а он кричал, будто пытался докричаться через океан – с одного берега на другой.

– Я тебя с шести утра жду! Как тебе Америка, мам? Что видела? Гранд Каньон, Эмпайр стейт билдинг?

– Я видела, как какает белочка, сынок, – грустно ответила я. Все-таки я тут совсем не турист.

– А как? Как кошка или как мышка? – оживился сын.

Боже, настоящий биолог! Неужели он от Пети?

– Я видела не результат, а процесс. Какает, как все, присев, подняв хвостик и расставив лапки.

Мои родители маячили где-то на заднем плане, тактично давая внуку рассказать мне о поездке в спортивный лагерь, скучных уроках физики, фееричных трехочковых бросках и ужасной столовской еде. Потом, помахав мне рукой – наш семейный жест – сын убежал в школу, сдав пост перед экраном компьютера бабушке.

– Как твой английский? – спросила мама. – Еще хромает?

– Не то чтобы сильно хромает... Так, подволакивает.

– Что же ты? Общайся больше с американцами!

– Мам, тут американцы только в черном районе, куда не стоит соваться без пистолета.

– Ну как так, поехала в Америку, а американцев найти не можешь! – вступил папа.

– Знаете что, я сюда приехала деньги зарабатывать, а не лясы точить! Все, мне через шесть часов на работу вставать. Спокойной ночи! Точнее, хорошего дня!

Глава 3. За счет графства Мерсер

Вспомнив, какой сегодня день и где мне предстоит работать, я расхотела вставать, но мысль о деньгах меня приободрила, и я все-таки сползла с матраса. На соседнем матрасе еще сопела Инга – она считала, что лучше подольше поспать, чем позавтракать. А вот я не могла бы даже думать о новом рабочем дне, не подкрепившись хотя бы кофе и бутербродами.

Да, так вот мы, американские уборщицы, и живем – спим прямо на полу на надувных матрасах, экономим на одежде, кофе и чай пьем только дома, и все это ради будущего наших детей. Или, как в моем случае, ради будущего рядом с сыном.

На кухне я столкнулась с тетей Зиной, которая жила в угловой комнате, и угостила ее свежесваренным кофе и бутербродом с сыром. Я бы дала ей еще и конфет, но не была уверена, что она их съест сама, а не отправит в посылке в Ярославль.

Тетя Зина нелегально жила в Америке уже лет двадцать, и все это время без выходных и отпусков мыла дома и офисы, чтобы обеспечивать оставшихся в России детей и внуков. Действительно, как не помочь – в семье ее дочери все время кто-то страдает то от повальной безработицы, то от тяжелых болезней, а в семье сына вечно что-то празднуют. В итоге тете Зине вменяется в обязанность содержать пять лет сидящего без работы зятя и выплачивать ипотеку за двухуровневую квартиру, подаренную на свадьбу внучке.

И внучке, которую тетя Зина ни разу в жизни не видела лично, похоже, нет никакого дела до того, что ее бабушка одевается в вещи, отданные ей хозяевами домов, ест пустые макароны, страдает от болей в спине и не может себе позволить сходить к врачу.

Между тем тете Зине уже под семьдесят, и долго ли она так еще протянет? Что будут делать ее родственники, если однажды она не проснется? Может, просто не заметят, что бабушка не выходит на связь, пока им не понадобятся деньги? Убедят себя, что ничего не могли сделать, чтобы она не умерла одна в чужой стране? Обрадуются, что ее похоронят бесплатно, как бомжа, за счет графства Мерсер?

Глава 4. Царица Савская

После завтрака у меня еще оставалось двадцать минут до выхода, и я написала в свой блог небольшой пост о том, что перфекционизм зря считают достоинством. Это подняло мне настроение, и предстоящий день уже не казался таким тяжелым, так что к углу Сосновой и Вишневой, откуда меня обычно забирала Христина, я подходила вприпрыжку. Там я пару минут постояла, считая заколоченные окна на старой пожарной каланче на противоположной стороне улицы, и наконец мне просигналил знакомый минивэн.

– Твой любимый дом сегодня, да? – спросила меня Христина уже в машине.

– Скорее наоборот, это я там любимая, но не взаимно.

– Какой он странный, да?

Я молча кивнула, а про себя подумала, что Соломон, наверное, с вечера меня сидит ждет, каламбуры готовит.

Зайдя в дом, как всегда, открытый, на столе в гостиной-прихожей я обнаружила англо-собачий разговорник. Я прошла в кухню. Там Соломон пичкал собаку вялым сельдереем и что-то бормотал. Я решила, что он обращается ко мне, и переспросила:

– Что?

– Я не тебе, я псу.

– Думаешь, он тебя понимает?

– Да, ученые доказали, что собаки воспринимают даже не сами слова, а мыслеобразы.

Когда я говорю с ним, он видит образы из моего сознания.

– О... Тогда он и по-русски должен все понимать, да?

Соломон посмотрел на меня так, будто я заявила, что могу доказать теорему Ферма.

– Никогда не думал об этом.

– Сейчас проверим, – пообещала я Соломону.

– Такер, иди на диван, – сказала я по-русски собаке.

Пес оскалил зубы.

– Видишь, не воспринял он мыслеобраз дивана, – сказала я Соломону, снова переходя на английский.

– Это потому, что у вас нет тесной духовной связи. И еще он не хочет на диван, – заявил Соломон и остался при своем.

Я не стала спорить. Не хотела отбирать у человека надежду на то, что хоть собака его понимает.

Соломон Стейнбек носил имя царя и фамилию известного американского писателя и изо всех сил пытался повторить успех если не первого, то хотя бы второго. Но, видимо, небеса и издатели дружно решили, что одного известного писателя с фамилией Стейнбек миру достаточно.

Когда я пришла в его дом впервые, то ненароком обмолвилась, что уборка – это так, временно, чтобы было на что жить, пока я определяюсь с дальнейшими планами, а вообще я хочу стать писателем. Обычно после таких высказываний собеседник выражает или скепсис, или наигранное восхищение, но Соломон неожиданно стал рассказывать мне о своем пути в искусстве.

Вся эта старая мебель, отлетающие обои, рваный ковер – это все временно. Просто он пожертвовал работой за зарплату, чтобы написать сценарий по научно-фантастическому роману, а как только сценарий будет закончен, Соломон станет богат, как его библейский тезка.

Вот тут уже скептическое выражение могло бы появиться на моем лице, но я, жалея его седины, вида не подала.

Каждый раз, как я приходила сюда прибираться, Соломон какое-то время крутился рядом со мной, разводя меня на разговоры о политике, литературе и проблеме отцов и детей, а затем демонстративно скрывался в гараже, заявляя, что пошел писать свое великое творение. Судя по звукам, доносящимся из гаража, для вдохновения он смотрел мыльные оперы.

Жена Соломона Саванна удивительно соответствовала своему имени. Она была сухой в обращении с мужем, общаясь с ним, словно с прислугой или домашним скотом. Но в глубине души она была жаркой, судя по лежавшим на тумбочке книгам, одни названия которых вгоняли меня в краску: «Мультиоргазменная женщина», «Тантрическое супружество». В туалете, прямо напротив заставленного ароматическими свечками подтекающего унитаза, висел коллаж с ее желаниями: гармония в семье, секс, интересная работа, просветление.

У нее была аллергия на пыль, и Соломон требовал, чтобы я протирала каждую безделушку в доме. А дом просто кишел разложенными повсюду корягами, цветными круглыми камушками, нефритовыми, аметистовыми и самыми обычными булыжниками, соляными лампами, ракушками, разномастными Буддами, индийскими богами, пузатыми Хоттеями, слониками, верблюдами, развесистыми подсвечниками для Хануки, шишками и уродливыми глиняными поделками.

Последние заслуживают отдельного рассказа. Какая только керамика не валялась по дому! Тут были тарелки-звездочки, тарелки в виде знака бесконечности (а может, автора сего шедевра вдохновила форма какашки), кривобокие чаши и дырявые вазы. Апофеозом глиняного безумия стала зеленая пасть бегемота (только пасть, без других частей морды) с языком странной формы. Правда, когда я протирала пыль с этой штуки в третий раз и догадалась более пристально посмотреть внутрь, я поняла, что это вовсе не пасть, а грот. А внутри не раздвоенный язык, а пара влюбленных.

Сегодня Соломон попросил меня начать уборку с первого этажа, так как наверху спит его ребенок. Странно, конечно, называть ребенком долговязого подростка, но для отца, видимо, его сын всегда малыш.

Я уже успела вымыть весь первый этаж и перекусить, когда наконец сверху спустился «малыш» Исайя. Почему его нарекли в честь пророка, я не знаю, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что ребенка с таким именем будут бить в школе. Хотя, может, тут к детям с необычными именами относятся помягче, чем у нас.

Сегодня Исайя был обут в резиновые сапоги до колена. Я подумала, может, на улицу пойдет – хотя там сухо и вообще-то зиму никто не отменял, несмотря на +10, отсутствие снега и яркое солнце. Но для прогулок в кирзачах все равно холодновато.

Однако я ошиблась: Исайя на улицу не пошел, а принялся слоняться по первому этажу. Я решила, что он будет завтракать, но снова не угадала. Он уселся в гостиной собирать пазл из 2000 кусочков – хорошо известную мне картину Ренуара «Портрет актрисы Жанны Самари».

Я спросила у него, могу ли прибрать его комнату, и тут Исайя замер и чуть не выпрыгнул из кирзачей от потрясения.

– Это ты? – спросил он, тыкая в коробку с пазлом.

– Нет, у меня глаза другого цвета, – спокойно ответила я.

Спокойствие мое объяснялось просто: люди всегда говорили что-то подобное, когда я и упомянутый портрет разом оказывались в их поле зрения. Мне это уже говорили одноклассники по художественной школе, а в университете на лекции по импрессионистам преподавательница мировой художественной культуры, демонстрируя студентам этот портрет, воскликнула: «Надо же, как на Наташу похоже!»

Однажды я пришла в Эрмитаж на временную выставку импрессионистов и долго стояла перед этим портретом. Меня неожиданно толкнули в спину, я обернулась, и начавшая было извиняться старуха застыла, явно еле сдерживая желание перекреститься.

В общем, оставив Исаяю наедине с моей картонной копией, я отправилась отмывать второй этаж. Начала с самого неприятного – санузла: Саванна любила купаться в грязи (тоже мне царица Савская!), и мне каждый раз приходилось подолгу отмывать ее ванну. А учитывая, что из чистящих средств в этом доме был только уксус, задача это была непростая.

Через два часа, изрядно вымотанная, я с радостью села в машину Христины. У этого дома был только один плюс – он находился в отдаленном районе, и я успевала хорошо отдохнуть по дороге к следующему пункту назначения.

Глава 5. Много ли на глобус выпьешь?

Определенно, вторник не был моим счастливым днем: после всегда пыльного дома Соломона следовал дом с кошками. Мурлыки в Америке – редкость, и я по ним немного скучала. В этом доме их было целых две, но это не радовало. Сами кошки были лишайные, всклокоченные и обрюзгшие, всю мебель покрывала шерсть, а за диванами засохли лужи жидких фекалий.

Впрочем, кошки были не единственными виновниками беспорядка, хозяева тоже не отставали. Дом убирался дважды в месяц, и каждый раз на кухне я заставляла одну и ту же картину: обильные коричневые потеки по всем шкафам, присохшая лужа кофе на столешнице, полная раковина грязной посуды.

В комнатах тоже царил беспорядок – вещи валялись как попало, на столе возвышалась кипа рекламной макулатуры вперемешку с конфетами, сухими цветами и выписками из банка, по подоконникам сновали полчища муравьев.

В довершении всего в доме практически не было искусственного освещения – лишь по маленькому торшеру или бра в каждой комнате, а темнеет в Нью-Джерси рано, так что убирать большую часть дома приходилось практически наощупь.

Очувтившись здесь впервые, я подумала, что именно так и должен выглядеть дом старой девы, чей труп обглодали кошки.

Хозяйку – явно выпивавшую учительницу географии – я видела всего раз, и то мельком. Глобус она еще не пропила, и он стоял за диваном, обрастая пылью и комками кошачьей шерсти. Теперь я, кажется, понимаю, почему мама не хотела, чтобы я выходила замуж за учителя географии.

Неужели все, кто имеет хоть какое-то отношение к географии, такие неустроенные? Много лет назад я с завидным рвением играла в игру «Найди свое счастье на ест-гео». Естественно-географический факультет располагался в том же здании, что и мой, филологический, и довольно странно, что ни с одним из своих естгеев я не познакомилась в самом университете. Впрочем, это не важно. Важно, что не сложилось. У меня ни с кем из них не сложилось, и у них в жизни ничего особо не сложилось – «мотались, как говно в проруби», как писал в своей известной поэме Ерофеев.

Обычно во второй раз дом моется гораздо быстрее, чем в первый, но я и сегодня еле успела закончить уборку этого муравьиного рассадника в срок. Забравшись в машину, я с облегчением подумала, что этот вторник прошел, а следующий будет только через неделю.

Глава 6. Таблетка от зависти

По средам у меня был всего один дом, зато какой – на одиннадцать часов работы! Пятьсот метров, три этажа (на третьем – собственный кинотеатр с кожаными креслами), десять ванных и семнадцать комнат, не считая гардеробных и хозяйственных помещений.

Вот кому я завидовала, так это хозяйке этого дома Сьюзен Джексон: у них с мужем Джеком было пятеро детей, и они могли им всем обеспечить отдельные комнаты со своими санузлами, хорошую школу, занятия спортом и музыкой, а в перспективе – престижный колледж.

Хотя, надо сказать, дети были не идеальные. Уже не младенцы, а подростки, они постоянно проносили еду мимо рта, бегали по дому в грязной обуви, крошили чипсы на диваны и ленились донести мусор до корзины. Со мной они не здоровались, считая, видимо, чем-то вроде пылесоса-робота. А судя по их разговорам, трое из четырех живших в доме детей были даже не среднего ума. И почему все так несправедливо? Мой ребенок воспитанный, умный, аккуратный, а я ничего не могу ему дать!

От этих мыслей я чуть не заплакала, но совсем раскиснуть мне не дал громкий гудок.

– Харри ап²! – завопил Мартин, как будто это он меня ждал двадцать минут зимой на улице.

– Явился наконец, – буркнула я, садясь на заднее сиденье, на котором уже две недели катался мешок с грунтом для рассады.

– Спик инглиш, плиз³! – потребовал Мартин.

Я хотела сказать: «Бодз чихо, глупче⁴», но вовремя вспомнила, что этот глупче⁵ – бойфренд Христины, и сама замилклем⁶. Впрочем, на сей раз он особо ко мне с разговорами и не приставал. Врубил на полную громкость аудио-урок по пчеловодству на польском языке и слушал его всю дорогу. Просить сделать потише было бесполезно и даже вредно – в таких случаях он только прибавлял звук.

Познакомившись с мужчиной, в которого была закохана⁷ Христина, я поняла, почему в сказке про путешествие Нильса красивое имя Мартин досталось гусю. Наверняка у Сельмы Лагерлёф тоже был знакомый Мартин, тот еще гусь.

У меня не укладывалось в голове, как такой отзывчивый, щедрый и честный человек, как Христина, может жить с этим мелочным, злокозненным пройдохой Мартином. Но чужая душа потемки. Может, он готовит хорошо. Вон как на всю машину домашней чесночной колбасой пахнет!

Боже, дай мне пережить эти полчаса, не совершив убийство, и да не раздавит меня мешок с землей!

У всех детей Джексонов имелись свои секретки. Джинджер училась в последнем классе, и в этом году ей предстояло поступать в колледж. Ей постоянно приходили письма с ответами из колледжей и университетов, но она не разрывала конверты с громкими криками надежды и не читала письма с восторгом или отчаянием на лице. Отнюдь. Она их так и складывала нераспечатанными в коробку из-под обуви.

² Поторапливайся! (англ.)

³ Говори по-английски, пожалуйста! (англ.)

⁴ Молчи, дурак (польск.)

⁵ Дурак (польск.)

⁶ Замолчала (польск.)

⁷ Влюблена (польск.)

Меня так и подмывало спросить, почему она это делает. Но так как коробка хранилась под кроватью, я решила не давать ей понять, что кто-то (то есть я) знает о ее жизни больше, чем ей хотелось бы.

Я предполагала два варианта: либо она хочет дождаться, когда судьба огласит ей весь список, и тогда уже выбирать из всех возможных мест учебы, либо еще не дождалась письма из единственного желанного университета и просто не хочет тратить время и эмоции на чтение ответов от запасных вариантов. Второе мне казалось логичнее. По крайней мере, я так всегда и делаю, когда решаю подцепить нового мужчину на сайте знакомств.

Ее сестра, толстенная Дафна, была самой неряшливой в этой семье. Как я знала из ее долгих и громких телефонных бесед с подружкам, Дафна мечтала похудеть. Увы, ей в этом начинании мешала тумбочка, набитая конфетами и печеньем. Я как могла помогала ей сократить количество потребляемых калорий, но все-таки старалась не наглеть, чтоб исчезновение части сладостей не было очевидным.

Эрика, младшая из девочек, была очень религиозна. В ее зефирно-ванильной комнате было множество сделанных из бумаги и скрепок открыток с надписями «Проси с верой, проси у Бога», «У Бога есть план, как сделать тебя счастливым» и тому подобными, картинок с сюжетами из Нового завета и листов с текстами церковных гимнов. Практически каждый раз, когда я приходила убирать дом, я слышала мелодию песни «Аллилуйя» в ее исполнении.

Последыш Джордж был таким же пухлым, как Дафна, и так же прятал запасы углеводов в тумбочке рядом с кроватью. Заправляя его постель, под одеялом я постоянно находила обертки и фантики.

В его комнате я обычно читала детские книжки, когда хотела немного передохнуть. Особенно мне в душу запала книга про гуся, которому казалось, что он слишком много работает на ферме. Этот гусь, чтобы не работать, принял участие в выборах на должность директора фермы и победил, причем с помощью весьма популистских методов. Но оказалось, что управлять фермой нелегко. Тогда гусь решил стать мэром, считая, что уж там-то его ждет халява. И снова выиграл выборы. И снова был разочарован большим объемом обязанностей. Потом в поисках синекуры он стал губернатором, а затем и президентом США. Однако так и не нашел работы, на которой ничего не надо было бы делать, бросил президентство и вернулся на ферму, чтобы написать мемуары «Как я был президентом США».

Джордж был моим нелюбимцем. Почему? Потому что за неделю этот двенадцатилетний мальчик умудрялся обоссать четыре унитаза – в личном санузле и в туалетах рядом с кухней, у кабинета и при кинозале. Я бы на месте родителей уже давно обеспокоилась, что у ребенка то ли проблемы с координацией движений, то ли руки слабые. Иногда мне даже хотелось попросить французского папу дать Джорджу мастер-класс.

Мой бывший начальник любил говорить проштрафившимся сотрудникам, что те член двумя руками удержать не могут. Эх, помыл бы он хоть раз туалет, в котором и правда кто-то чего-то не удержал!

Это все мне предстояло пережить снова, но после получаса прослушивания передачи про пчел в компании мешка с землей, который заваливался на меня на резких поворотах, мне не терпелось начать прибираться.

Сьюзен выглядела взволнованной. Она явно куда-то собиралась.

– Где лучше начать уборку? – спросила я для затравки.

– Моя старшая дочь приехала из колледжа, она еще спит наверху, так что лучше начните с моей спальни. Я уезжаю по делам, к обеду вернусь. Если захотите есть, берите из холодильника и кладовки, что угодно.

Я загрузила холщовую сумку моющими средствами, взяла ведро и швабру и пошла в главную спальню или, как еще тут называют родительскую опочивальню, мастер-бедрум. Сумку

я собирала тщательно: дом огромный, если что-то забудешь, не набегаешься. И так к каждой комнате и обратно вещи нужно было носить дважды: сначала сумку с химией и швабру с ведром, потом пылесос.

Обрадованная отсутствием хозяйки, я решила помыть пол, пока она не видит. Сьюзен настаивала на том, чтобы вместо мытья протирать деревянный пол сухой плоской шваброй с полиролью, но при таких площадях у меня к концу уборки на руках появлялись огромные волдыри. Обычной шваброй с водой и моющим средством получается, во-первых, намного чище, во-вторых, быстрее, а в-третьих, без волдырей. Поэтому я воспользовалась случаем и быстро прибралась в спальне.

Откровенно говоря, в этой спальне могли бы поместиться не только огромная кровать с десятком подушек, здоровый кожаный диван, комод и телевизор размером с футбольное поле, но и среднестатистическая российская «трешка». А в ванной и гардеробной при спальне – еще одна.

Чего только не было в этой ванной! И панорамные окна, и хрустальная люстра, и четыре бра, и унитаз с биде, и душевая кабина с золотыми стенами, и джакузи, не говоря уже о двух здоровенных тумбах с умывальниками. Сплошное великолепие. Особенно, если тебе не предстоит все это отмывать. Первые недели я себе чуть шею не сворачивала, когда пыталась с пола дотянуться до дна джакузи, чтобы насухо его протереть после мытья. Потом я догадалась кидать на дно полотенце, залезать в саму ванну и тогда уже сушить ее без риска для жизни.

Гардеробная, хоть и была намного больше, чем у Гавела, особого впечатления не производила. Точнее, продуманные системы хранения разного рода вещей были достойны интереса, а вот сами вещи не были ни суперстильными, ни шокирующе дорогими. Так, в основном масс-маркет, да еще немного одежды, которая в чеках американских магазинов фигурирует обычно как «одежда получше». Собственно, та же картина наблюдалась и в детских гардеробных. Косметикой в этом доме тоже пользовались не экстра-класса, у меня и то была дороже. Складывалось впечатление, будто на гигантский дом с отделкой «дорого-богато» (хрусталь, мрамор, позолота) денег хватило, а на начинку – уже не очень. Вот оно какое, скромное обаяние буржуазии.

К часу дня, отмыв мастер-бедрум, кабинет, музыкальную комнату, желтую гостиную с телевизором и примыкавшую к ней мини-кухню с баром, голубую гостиную для приемов, парадную столовую, две здоровых прихожих и маленькую прачечную, я оголодала и полезла в холодильник за йогуртом за четыре бакса. Ясное дело, я такой ем только в этом доме. На свои деньги я покупаю в магазине «Сэкономь много» только крахмальный, с красителями, по акции «Три банки за доллар».

Когда я доедала третью упаковку йогурта с ревенем и клубникой, закусывая его сыром и запивая молоком, пришли дети.

– Привет, ребята! – поприветствовала я их, но они меня проигнорировали.

Ага, в церковь каждую неделю ходят, подарочки беднякам собирают, а уборщице ответить им гордыня мешает! Ну-ну, ну-ну. Поправлю я вам еще подушечки, не помыв руки после уборки туалета!

Дети быстро рассосались по своим комнатам, а в кухню спустилась девушка, которую я раньше видела только на семейных фото. Еще по снимкам я сделала вывод, что старшая дочь Сьюзен не совсем здорова, и теперь это мнение только укрепилось. Она была бледной, под глазами залегли тени, а слабые руки спускались по бокам, как плети.

– Бриджет, – представилась девушка.

– Наталья.

– Может, сделать вам кофе или чай? – спросила Бриджет.

Хозяева домов часто предлагают мне напитки и сами их для меня готовят, но у Джексонов это было впервые.

– Не беспокойтесь, я уже пообедала.

Я собиралась помыть кухню и обычную, непарадную, столовую, чтобы на этом закончить уборку первого этажа, но вернувшись домой Сьюзен сказала, что будет готовить, и отправила меня наверх, благо дети выползли из своих комнат и спустились ей помогать.

Приведя в порядок все спальни, швейную комнату и большую прачечную на втором этаже, третий этаж с кинотеатром и все лестницы, я спустилась вниз. В простенькой столовой семья Джексонсов уже вкушала ужин, и я, стараясь не шуметь, начала прибираться на кухне. Стены между кухней и столовой не было, поэтому я невольно стала свидетелем их разговора.

– О, я сегодня встретила Кена. Ему пятьдесят шесть лет, у него рак мозга, и представляете, он все еще жив! – воодушевленно сказала Сьюзен.

Я чуть тряпку от неожиданности не выронила, а вот все члены семьи явно разделяли ее энтузиазм. Они принялись задавать уточняющие вопросы о том, как же Кену удалось так долго удержаться на бренной земле.

Быстро закончив ужин, все разошлись по своим делам: Джек – в кабинет, а четверо младших детей – в церковь. За столом остались только Сьюзен и Бриджет. Мать, сидевшая напротив дочери, наклонилась к ней и взяла за руку.

– Знаешь, тебе нужно решить, какой опыт ты хочешь получить в оставшиеся годы. Если хочешь вернуться в колледж, когда тебе станет лучше, мы не будем возражать. Но не лучше ли провести это время здесь, с семьей и друзьями, с теми, кто тебя любит и всегда поддержит? – сказала Сьюзен теплым, немного дрожащим голосом.

– Я подумаю... – прошептала Бриджет.

– Если ты хочешь путешествовать или выйти замуж – скажи, мы с папой поможем тебе во всем, что от нас зависит.

– Я хочу, чтобы меня любили. Всю мою жизнь. До самой смерти.

– Мы тебя любим. Мы все тебя очень любим.

– Я не об этом... – Бриджет готова была заплакать. – Кому я такая нужна – некрасивая, слабая, да еще и жить мне осталось пять лет?

Матери ничего не оставалось, кроме как подойти к ней, прижать к себе и баюкать, как маленького ребенка. Мне было очень жаль Бриджет. Из всех детей в этой семье она была самой доброй и к тому же ничуть не надменной. Неужели и правда всегда уходят лучшие?

В этот момент я поняла две вещи: первое – я больше никогда не смогу никому завидовать и второе – мне нужен план, хотя бы на пять лет.

Глава 7. Женщина, которую я люблю

Мартин приехал за мной, как всегда, опоздав на полчаса, и потребовал поторапливаться. Мне было довольно сложно поторапливаться, имея при себе ведро, швабру и пылесос, поэтому я тоже ответила в приказном тоне:

– Хелп ми ту бринг зе вакуум ту ё ка!⁸

Я отнесла швабру и ведро в багажник, демонстративно оставив пылесос на крыльце дома в тридцати метрах от машины, а потом села на заднее сиденье слева от мешка с землей, так как справа уже сидела Агнешка. Мартину ничего не оставалось, кроме как идти за пылесосом самому.

– Царица Наташа, – процедил Мартин, внезапно вспомнив уроки русского. Надеюсь, в далеком советском детстве учительница била его по рукам указкой.

– Пьекний шалик⁹, – сказала мне Агашка, для лучшего понимания обведя рукой вокруг своей шеи, а затем показав сжатый кулак с оттопыренным вверх большим пальцем.

– Колежанка дала¹⁰, – ответила я, вспомнив, как Марина вручила мне этот подарок в честь моего карьерного взлета до главного редактора отдела в крупном издательском доме. С тех пор прошло пять лет, шарф был порядком побит жизнью, но все еще не потерял своего очарования. Как и мы с Мариной.

Вот кому я никогда не завидовала, так это Марине, хотя у нее была престижная работа – недавно ее повысили до начальника пиар-управления в крупной компании, большая квартира в центре и самый стильный гардероб, какой я только видела. Но еще я видела, что она все время пропадает на работе, отпуска у нее не было уже несколько лет, а мужчины еще дольше.

Во многих вопросах она была для меня авторитетом, и я часто обращалась к ней за помощью – и консультационной, и, чего уж скрывать, материальной.

Но первые годы нашего знакомства скорее было наоборот. Мы с ней вместе учились в универе и жили в одной комнате в общежитии, обе были отличницами, но вот усилия для этого прилагали совсем не одинаковые.

У меня была отличная память, я быстро читала, и норматив студента-филолога в 300 страниц в день мне не казался чем-то невероятным. Мне легко давались все предметы, даже латынь и древнеславянский, и слово «сессия» не заставляло меня холодеть и потеть одновременно.

Я всегда была готова к экзаменам намного раньше, чем начиналась сессия, и курса с третьего сдавала их заранее или и вовсе получала свои пятерки автоматом, так что каникулы у меня начинались сразу же после окончания курса лекций.

Марина же сточила о гранит науки не один зуб. Она постоянно сидела за учебниками, пока я бегала то на свидания, то по заданиям от газет – писать отзывы о спектаклях, концертах и выставках. Тем не менее, зубрежка не особо помогала: на экзаменах преподаватели часто говорили ей, что ставят ей «отлично» за старания и дисциплину, а после сессии сокурсники троллили Марину за натянутые оценки.

Все знали, что я буду писателем. Это не поддавалось сомнению: я выигрывала литературные конкурсы, публиковала рассказы в областных газетах, а порой и в федеральных журналах. За это мне даже многое прощалось – преподаватели сквозь пальцы смотрели на мои опоздания (правда, нечастые), а порой и на более серьезные огрехи.

⁸ Помоги мне донести пылесос до твоей машины! (англ.)

⁹ Красивый шарф (польск.)

¹⁰ Подруга подарила (польск.)

Так, однажды на третьем курсе я очень плохо написала тест по русской литературе, который неофициально считался экзаменом. Узнав результаты, я подошла после лекции к своему преподавателю – Солнечной дочери Победителя, как она нам представилась на первом занятии. Тогда же без ложной скромности она заявила, что является ученым с мировым именем, а уж после мы сами узнали, что Юлия Викторовна встречалась с Ахматовой и пила чай с Пастернаком.

– У меня тройка за тест. Можно я сдам обычный экзамен?

– Что же вы не подготовились?

– Честно говоря, у меня приступ творчества, и в такие моменты я могу только писать и пить кофе с бутербродами.

– Зачетка с собой?

Я дала ей зачетку, она написала «отлично» и протянула мне ее обратно.

– Пишите, только пишите. И завязывайте с бутербродами.

Кем станет Марина – никто даже не задумывался. Я даже сомневалась, что она сама тогда знала, кем хочет быть. Ее ярое стремление к красному диплому было проявлением не амбиций, а затюканности: мать вечно ей внушала, что без этого Марина станет дворником. И девушка искренне в это верила, игнорируя тот факт, что ее маман, сама отнюдь не академик, работала не дворником, а директором магазина одежды.

В этой связи, кстати, особенно странно, что Марина так плохо одевалась – вечные длинные юбки и водолазки коричнево-серых оттенков начисто отбивали у окружающих желание ее разглядывать. При этом, как я могу судить после совместного посещения общажного душа на десять персон, фигура у нее была просто отличная. Да и личико очень симпатичное, если не закрыто ужасными очками и нелепой челкой.

Первый месяц знакомства я никак не могла понять, почему же мать не выделит Марине денег, чтобы та могла приодеться и сменить очки на линзы, но потом до меня дошло, что денег у подруги достаточно, просто ей нравится прятаться от жизни.

Мои студенческие годы были яркими и беззаботными, хоть и довольно нищими. Зато поклонников у меня было много, иногда за месяц я успевала сходить больше, чем на тридцать свиданий, в некоторые вечера с одним парнем в кино, а с другим в кафе. Тем не менее, влюблялась я редко, и мало с кем встречалась во второй раз, не говоря уж о том, чтобы завести отношения. Чаще всего свидания после пятого, тщательно изучив характер кавалера с помощью различных испытаний и расспросив его о планах на жизнь, я приходила к выводу, что такую жизнь разделять с ним не хочу, и махала ему ручкой.

Если уж все же доходило до шестого свидания, ставки повышались: не кафе, а ресторан, не задний ряд в кино, а партер в театре, не посиделки с друзьями, а знакомство с родителями. Я не хотела, чтобы секс – свидания где-нибудь на десятом – казался моему избраннику легким достижением.

Марина, напротив, влюблялась часто, но на свидания ходила очень редко. Каждый раз, влюбившись в какого-нибудь лабуха из гаражной группы или глубоко женатого профессора, она мечтательно сообщала мне шепотом, что хочет родить ему сына – точную копию его самого. А я молча думала, что личная жизнь у женщины налаживается тогда, когда она хочет, чтобы ее ребенок был похож на нее.

Обо мне в выпускном альбоме кто-то из сокурсников написал, что я самая яркая звездочка курса, а о Марине – что она вещь в себе. На выпускном на вопросы сокурсников о дальнейших планах я заявляла: «Подробности узнаете из газет», а Марина лишь пожимала плечами. И кто тогда мог знать, что через год я буду провинциальной матерью-одиночкой, а Марина – восходящей, но уже всю сияющей звездой питерского пиара?

Глава 8. Тайный сын

Наступил четверг, полный сюрпризов. Правда, под сюрпризами я имею в виду не то, что на меня внезапно пролился денежный дождь или что прекрасный незнакомец ждал меня с букетом на углу Хвойной, напротив старой каланчи. Ждала меня на этом месте всего лишь Христина, а внезапно пролиться на меня мог разве что дождь из лейки душа, если хозяева дома после омовения не повернули рычажок, чтоб направить воду обратно в кран. К слову, такое случалось часто, и мне постоянно приходилось делать уборку с мокрой головой и плечами.

Сюрпризы в моей жизни давно уже перестали быть приятными. И сегодняшний день не стал исключением.

Первым в моей программе на четверг был дом аргентинца, который попросил называть его Ермо. Был он совсем, совсем не мачо, а типичный разведенный мужчина, не умеющий толком приготовить себе еду и уж тем более не смыслящий в других отраслях домашнего хозяйства.

Я ходила сюда уже месяц и успела выгрести всю застаревшую грязь, накопленную предыдущей уборщицей, так что теперь прибираться тут было несложно. Но были в этом доме, полном любопытных вещичек из Латинской Америки, и свои подводные камни.

Самым неприятным и муторным тут было то, что кроме уборки требовалось постирать белье, посушить его в сушилке, а потом погладить и разложить не только по виду – отдельно деловые брюки, пижамные брюки, рубашки, футболки с длинным рукавом, футболки с коротким рукавом, спортивная одежда и так далее, но еще и по цветам! И так для каждого из членов семьи! Судя по одежде, в доме жил сам Ермо, маленький ребенок лет четырех и подросток. Белье всегда было пересушено, а набиралось его каждую неделю две-три корзины, так что на сортировку и глажку уходило больше времени, чем на саму уборку двух этажей и подвала. Я почти никогда не справлялась с этой работой вовремя, и Христина ругалась, что ей приходится меня полчаса ждать. Так было и сегодня.

– Я разложила вещи вашего младшего сына в его шкафу, ваши у вас в комнате, а вещи вашего старшего сына я разместила в комод наверху, – сказала я аргентинцу перед уходом.

– У меня всего один сын. Пабло, маленький, – Ермо показал рукой, какого роста его ребенок.

И зачем ему врать, что у него один сын? Очевидно же, что в доме живет подросток. Или, по крайней мере, жил и успел поносить целую корзину джинсов, футболок, трусов, толстовок и носков. Я решила не настаивать. Мне ли не знать, что у людей бывают самые разные мотивы, чтобы скрывать наличие ребенка. Может, тут замешана какая-то личная драма.

Десять лет назад, сняв свое первое питерское жилье, я хотела забрать Сережку к себе, хоть и понимала, что комната в коммуналке – не лучшее место, чтобы растить сына. Но мама встала на дыбы, заявив, что нечего таскать ребенка по чужим углам. К тому же, без регистрации я не смогла бы пристроить его в садик.

Я стала экономить и копить на квартиру, но много с зарплаты редактора женского журнала откладывать не получалось – разве что на десять-двадцать квадратных сантиметров жилплощади в месяц. Да и эти деньги, как правило, приходилось отсылать родителям, когда Сереже пора было покупать новую одежду.

Наличие ребенка я не афишировала. Во-первых, неизвестно, как отнеслось бы начальство к тому, что у претендентки на должность с ненормированным рабочим днем есть ребенок, а во-вторых, редакционные кумушки наверняка бы постоянно действовали мне на нервы, сочувствуя, что я редко вижу сына. Так что мне было приятнее иметь имидж не обремененной

семьей амбициозной девушки, а не увядающей в тоске по своему малышу мамашки, которую поматросил и бросил его отец.

Да и, что греха таить, клеймо матери-одиночки, скинувшей чадо на бабу с дедом, отпугивало бы от меня мужчин, а уж этого мне хотелось меньше всего. Романы у меня случались регулярно, но все они заканчивались с завершением букетно-конфетного периода – как только отношения переставали приносить мне радость и становились обузой.

Пару раз доходило до предложения руки и сердца. В этих случаях я участливо спрашивала потенциального супруга, что он хочет получить от этого брака и каковы будут мои и его обязанности. Все как один начинали рассказывать, что я должна их холить и лелеять, ублажать в спальне, вкусно кормить, поддерживать в доме чистоту и уют, а они меня за это будут любить. Сама я хотела ровно наоборот, поэтому ничье предложение не приняла, и предъявлять сына мне ни одному из поклонников так и не пришлось.

Глава 9. Именем Господа

После аргентинца мы поехали на разовый заказ – венгерская старушка лет девяноста пяти хотела, чтобы специально обученный человек осторожно помыл ее десять антикварных ваз из божемского стекла, три хрустальные люстры, сто двадцать старинных шкатулочек, серебряные подсвечники, да и всю квартиру заодно.

– Там у нее сиделка живет, так что квартиру часто убирают, особо возиться не придется, – убеждала меня Христина.

Однако я уже была научена горьким опытом и понимала, что наверняка по углам в квартире полно пыли и паутины, а сантехника вся в налете и мыльном камне. И знание жизни меня не подвело.

Когда Христина ушла, сиделка, африканка с дредами, то ли на сносях, то ли просто любительница фаст-фуда, лениво спросила меня:

– Ты откуда?

– Из России.

– А... не знаю, где это. Я из Либерии. Знаешь такую страну?

– Знаю. Я училась в школе, – съязвила я, но либерийка не восприняла эту издевку на свой счет и спокойно отправилась в спальню смотреть телевизор. Старушка, отдохавшая в другой комнате, попросила ее убавить звук, но та лишь ругнулась в ответ.

Обрадовавшись, что никто не путается под ногами, я решила в первую очередь вымыть антиквариат. Но вот незадача – на кухне вся раковина и столешница были заставлены грязной посудой: ковш с пригоревшей кашей, кастрюля с отбитым дном, тарелки с трещинами и бесконечные чашки с серым налетом. Сиделка явно относилась к своим хозяйственным обязанностям спустя рукава.

Перемыв посуду, я принялась за живых свидетелей былых эпох. На некоторых вещи даже дышать было страшно, не то что мыть, настолько они были хрупкими. Высокие вазы из стекла толщиной, наверное, с десятую часть миллиметра, я мыла изнутри и снаружи, нервно сглатывая. Еще тревожнее мне было только нести их обратно на место на каминной полке: на ковровое покрытие был положен большой ковер, а на него – еще с десятков маленьких толстых половичков то там, то тут, так что пол был мягким, как матрас, и походка на нем становилась нетвердой.

Закончив с этими реликвиями, я приступила к обычной уборке – вымыла кухню, а в гостиной вытерла пыль и помыла люстру. Пока я там же пылесосила ковер, либерийка на кухне кормила старушку какими-то жутко вонючими коричневыми консервами, подозрительно похожими на собачьи.

Старой венгерке угощение явно не пришлось по вкусу, и она тихо бурчала на свою недобросовестную сиделку. Но та знала, как заткнуть этот фонтан стенаний.

– Это грех – так говорить о ближнем, как вы обо мне. Если вы меня уволите, то причините мне вред, и простит ли вас за это Господь? У вас скоро операция на сердце, вот умрете, и будете перед ним отвечать за то, что меня обижали! – увещевала африканка.

После этого старушка сидела несколько часов молча в своей комнате, глядя в стену грустными глазами.

Когда я добралась до ее спальни, где все было в пыли и кружевах, она стала расспрашивать меня, как я оказалась в Америке, а потом рассказала, как девяносто лет назад сама сошла в Нью-Йорке с парохода из Европы, держась за руку отца. Она все рассказывала и рассказывала, пока я стирала пыль с мебели и собирала по углам паутину, отбивала ножом толстый слой засохших шампуней и гелей для душа со дна душевой кабинки, отмывала полочки

ее косметического шкафа в ванной, чистила бесчисленные тюбики с кремами, тональниками, помадами...

Рассказав обо всех перипетиях своей долгой, захватывающей, но одинокой жизни, она попросила принести ей картину, висящую над унитазом. Я принесла, и она с минуту смотрела на рисунок, в котором смутно угадывались женские черты.

– Пикассо, – сказала она наконец, передавая картину мне в руки. – Настоящий. Сам подарил.

Я прониклась и особенно бережно стерла со стекла мелкие коричневатые брызги. Первый раз в жизни я держала в руках подлинник великого художника, и то затем, чтобы почистить его от следов воды из унитаза. Пикассо бы в гробу перевернулся, если б знал, что подарил собственноручный рисунок женщине, которая повесила его в отхожем месте.

Глава 10. Заклинатель зеленого змия

Я страшно устала и надеялась, что после дома несчастной старушки мы поедем домой, но вместо этого мы свернули на незнакомую дорогу и через полчаса оказались у длинного одноэтажного здания. Как выяснилось позже, это был офис виноторговой компании, в задних помещениях которого помещался огромный склад.

– Наташа, тебе – кабинеты справа от входа. Маша, Агнешка, вам кабинеты и большой зал слева, Ира убирает со стороны склада, – распорядилась Христина.

Кабинеты справа принадлежали правящей элите этой конторы. Я решила бросить максимум оставшихся сил на нору гендиректора и смело шагнула в кабинет. Стиль этой комнаты – большое кожаное кресло под старину, дорогой массивный стол, оригинальные картины и статуэтки – показался мне до боли знакомым, как и витавший в воздухе аромат мужского одеколона.

Вытирая стол, я заметила на нем подписанные контракты, и мне бросилась в глаза подпись: владелец и генеральный директор Гавел Салонский. Ничего себе совпадение! Хотя, может, это как раз не случайность, а закономерность: вполне логично поручить уборку и дома, и офиса одной клининговой компании. Так вот, значит, на чем пан Американ заработал свои миллионы.

Протирая пыль с картинных рам, я заметила, что на стене также висит какой-то патент. Прочитав текст, я поняла только, что патент был выдан Гавелу четыре года назад за какое-то изобретение. Мне почему-то было приятно узнать, что он умный.

Быстро прибрал его кабинет, я двинулась дальше, к замку по финансам. Сразу было ясно, что этот Джон добродушный человек, отличный друг и семьянин. На стеллаже стояло много открыток разных лет, в которых коллеги признавались ему в любви и желали всего-всего, на пробковой доске висели смешные мотивирующие картинки и записка от бухгалтера, на столе расположились рамочки с фотографиями: главный по деньгам с женой, их сыновья – копии отца, и вся семья вместе, с собакой на первом плане. Это разительно отличалось от кабинета Гавела, где не было ни фотографий, ни следов активных контактов с подчиненными. Да, он в своей компании явно не является духовным лидером.

Это предположение еще больше укрепилось, когда я дошла до рабочего места пиарщицы. У нее на доске висело множество снимков с деловых и командообразующих мероприятий, и Гавел, если и был на фотографиях, то почти всегда в стороне от основной массы народа.

Тут же я обнаружила вырезки из газет с заметками о том, что компания – или Гавел лично – спонсирует спортивные соревнования, программу по искусству в университете, строительство школ в Африке. Ага. Добрый, щедрый, скромный. Или наоборот, людей терпеть не может, но из тщеславия очень хочет им нравиться. Человек-загадка этот Гавел.

В размышлениях о том, какой же пан Американ на самом деле, я незаметно для себя закончила уборку всего правого крыла. У меня оставалось еще полчаса, идти помогать другим я, конечно, не хотела, поэтому решила еще раз заглянуть в кабинет Гавела, проверить, все ли там идеально. Когда все недочеты: пятно на настольной лампе, пыль на деревянных фигурках и отпечатки пальцев на выключателях, – были устранены, я услышала шаги и обернулась. На пороге стоял смущенный Гавел.

– Ты тут? – лаконично спросила я.

– Люблю приходить на работу, когда здесь никого нет, – ответил пан.

– Но почему бы тогда не работать дома?

– Потому что никого нет здесь, – сказал он, выделив последнее слово.

Развивать тему я не стала, и так было ясно, что он не в духе, а в семье у него что-то не ладится. Он прошел в центр кабинета и сел за стол.

– Можно вопрос? – осмелилась я.

– Да? – неуверенно ответил он.
– У тебя на стене висит патент. А что ты изобрел?
– Одну технологию. Она применяется при производстве металла на сталелитейных заводах.

– Металла? Но ты ведь продаешь вино, да?
– До вина я был инженером.
– А как так получилось, что ты стал заниматься вином?
– Патент принес мне большие деньги, я мог больше не работать на заводе. И тогда я решил открыть свою компанию.

– Но почему вино?
– Тогда я думал, что это романтично. Представлял себе виноградники, глянцевую листву, собирающие солнечный свет ягоды...

– Ага, а оказался в душном офисе при пыльном складе.

Он помолчал секунд десять, а потом неожиданно констатировал:

– Ты хорошо говоришь по-английски.

– Для уборщицы? – усмехнулась я.

– А ты точно уборщица? – Гавел подозрительно прищурился.

– В данный момент да. Ты только посмотри, как я тебе лампу отмыла!

– Спасибо. Я ценю это. А вообще ты кто? – спросил он, постукивая по столу кончиками пальцев.

– Я писатель.

– А... – облегченно вздохнул Гавел, будто у него от сердца отлегло. – А зачем ты убираешься?

– Решила узнать, как простые люди живут, – озвучила я снобскую версию. Не говорить же ему, что мне тупо нужны деньги, а писательством я их не заработаю, потому что уже четырнадцать лет ничего не пишу.

– Да, это интересный опыт, попробовать себя в другой профессии. Я когда-то работал грузчиком, и это было весьма необычно – делать что-то своими руками, – сказал пан, для убедительности показывая мне свои холеные руки со свежим маникюром.

В этот момент он полностью преобразился – тусклые прежде глаза заблестели, вместо сжатых тонких губ появилась улыбка на пол-лица, плечи расправились, и он сразу стал мужественным и привлекательным. Я так удивилась, что просто молча на него смотрела, а он продолжал:

– Этот опыт физического труда изменил мое представление о простых людях, о работе, о жизненных ценностях. Наверное, работа уборщицы очень полезна для тебя как для писателя? – спросил он с воодушевлением.

– Еще бы! Ни одна другая работа не дает так много узнать о людях, как эта! – наконец отмерла я.

– Звучит пугающе, – и разговорчивый Гавел с сияющими глазами мгновенно превратился обратно в жухлого пана.

По дороге домой я неожиданно пришла к мысли, что если бы я и согласилась выйти за кого-нибудь замуж, то мой муж был бы похож на Гавела: богатый, щедрый, поддерживающий мое желание заниматься искусством, и при этом достаточно требовательный, чтобы заставить меня писать, а не только представляться писателем. Подумав об этом, я тут же себя одернула: и с каких это пор мне стали нравиться сорокалетние невротики?

Семь лет назад мне казалось, что мужчина в сорок – безнадежный старик. Впрочем, выбирать особо не приходилось. Мне было двадцать восемь, я снимала двушку на двоих и все еще была не замужем.

«А ведь были же неплохие варианты! Пробросалась девка, пробросалась... А ведь Жанна Самари за меня стареть не будет! Выйти бы замуж хоть за какого-нибудь мужичка, лишь бы с приличной квартирой!» – думала я однажды, сидя на работе в десять вечера.

Бойтесь своих желаний. Они сбываются. И в первую очередь – самые глупые.

Глава 11. Польская знать

Шляхтич прилепился ко мне, как моллюск-камнеточец к куску мрамора, на конференции для сотрудников издательского бизнеса. Этот морской финик, по его словам, заметил меня еще утром, во время приветственного кофе в фойе отеля. Потом весь день держался рядом, особого раздражения не вызывая, но и желания познакомиться поближе – тоже.

А вот вечером, когда официальная часть мероприятия закончилась и начался банкет, клеиться он начал со всей очевидностью. Но он оказался Скорпионом, а их домогательства – это просто вершина иезуитской мысли. То есть ты вроде понимаешь, что он к тебе пристаёт нагло и пошло, но при этом он обставляет все так, что, если ты дашь ему в морду или по яйцам, он сможет возмутиться и заявить, мол, его слова имели самый невинный смысл, а ты их неверно поняла исключительно в силу собственной испорченности. И ты же еще виноватой останешься.

Меня посещала разумная мысль свалить от него подальше, но реализовать ее мне мешало то, что он уже представился редактором издательства, а мне в период надвигавшегося кризиса и потенциальных сокращений надо было иметь запасной вариант для трудоустройства. И я продолжала его терпеть, по возможности сводя его попытки флиртовать на обсуждение мероприятия, еды и прочие не бередящие его либидо темы.

Сама я не могла воспринимать этого маленького человечка с лысой головой и обильно заросшими рыжими кудряшками руками даже вообще как мужчину, не то что как мужчину, с которым могу заняться сексом. И ладно бы он просто был некрасивым и на голову ниже меня, Шляхтич еще и постоянно мерзко смеялся, отчего из его рта волнами исходило зловоние.

Мне удалось исчезнуть с банкета по-английски, но рано я поздравила себя со счастливым избавлением. В тот же вечер Шляхтич попросился ко мне в друзья во всех соцсетях. Я могла бы дать ему от ворот поворот хотя бы на этом этапе, но корысть сыграла со мной злую шутку. Конечно, я старалась говорить только о перспективах сотрудничества, не переходя на личные темы, но это не могло заставить его не комментировать мои фотографии, не писать мне письма типа «Почему вы не пускаете никого в свое личное пространство, избегая общения с людьми?» и не сыпать витиеватыми комплиментами.

Он недвусмысленно давал понять, что я ему нравлюсь, зазывал в гости – видовая квартира на Ваське, 150 «квадратов», потолки четыре метра – и прочими способами подбивал клинья. Он даже умудрился завести знакомство с моими коллегами и, когда мы с ними ходили куда-то вместе, всегда как бы случайно подсаживался за столик, а потом пытался за меня заплатить. Я не знала, что делать.

Позволить за себя заплатить? Так после этого он получит право считать, что я принимаю его ухаживания и чем-то ему обязана, а остальные решат, что мы с ним пара. Демонстративно самой протягивать официанту деньги и просить его вернуть Шляхтичу уже отданные им купюры, да еще и на глазах общих знакомых? Это выглядит так, будто мы уже любовники, а в данный момент поссорились. Куда ни кинь, всюду клин. Но первый вариант хотя бы со стороны смотрелся более достойно и экономил, к тому же, мои деньги.

В целом я его вполне успешно игнорировала, пока он не заявил, что мама его происходит из древнего польского рода. Может, я и не хотела рожать страшненьких рыжих детей, но определенно была не против стать столбовой шляхтянкой. Красота со временем сходит с лица, как сусальное золото, а титул остается. К тому же, хорошенький ребенок у меня уже был, а Шляхтич мог и не захотеть заводить потомство.

Мне кажется, слова «жена», «супруга», да даже «спутница жизни» – такие мерзкие, пошлые и избитые... Если бы мой муж сказал обо мне какое-то из них, мне стало бы противно. То ли дело говорить о жене в третьем лице «Её сиятельство». Это да. Это я понимаю.

В общем, Шляхтич смог своим генеалогическим древом пробить лед в наших отношениях, и я начала обсуждать с ним перспективы совместной жизни. Увы, после моих вопросов и его ответов она не представлялась мне в радужных красках. Я ожидала, что он захочет сделать меня главным редактором своего издательства, но Шляхтич, напротив, настаивал, чтобы я уволилась с работы и сидела дома.

К тому времени я уже успела понять, что он мелочен и прижимист, ревнив и склонен за глаза поливать грязью всех знакомых, и сильно пожалела о своем обещании за него выйти. Хорошо хоть за три месяца ухаживаний мне удалось ни разу с ним не переспать. А сам он чего только не изобретал, чтобы оказаться со мной в одной постели! Естественно, каждый день спрашивал, когда же я к нему перееду, но я все строила из себя девицу строгих правил. Тогда он предложил поехать вместе в Париж.

В Париж, конечно, мне очень хотелось. Но я понимала, что одно дело отбрыкиваться от него в людных местах, и совсем другое – в гостиничном номере. Он, конечно, «готов» был оплатить отдельные номера, но я-то понимала, что на месте окажется, что номер один, а кровать в нем двуспальная.

В последний момент я «вспомнила», что у меня истекает срок действия загранпаспорта, и Шляхтич укатил один. И слал мне ежедневно с чужбины письма, как он по мне скучает.

Я, оставшись одна, проанализировала ситуацию. Так, если я за него выйду, отнекиваться от выполнения супружеских обязанностей у меня не получится. А если я не буду работать, то еще и окажусь полностью зависимой от него материально, и он тут же примется меня тиранить. И зачем мне такая совместная жизнь? В общем, я решила порвать с ним, но не знала, как это сделать, чтобы не остаться врагами. И вдруг меня осенило.

Из Парижа Шляхтич написал мне:

– Страшно по тебе скучаю! С нетерпением жду, когда же начнется наша совместная жизнь!

– Мы тоже ждем, – загадочно ответила я.

– Кто «мы»? – явно напрягся Шляхтич.

– Я и мой сын Сережа. Ему шесть лет, я очень хочу вас познакомить. Кстати, а в какой комнате он будет жить?

Ответа я не получила. Шляхтич исчез к чертям собачим. Воссоединился, так сказать, с семьей.

Глава 12. Слава Богу, пятница!

Помню, однажды на уроке домоводства одна моя противная одноклассница заявила, что ее бабушка как-то отказалась от работы на заводе по изготовлению валенок, так как много валенок ей не нужно, а больше там украсть нечего. Руководствуясь этой философией жизни не на одну зарплату, девица устроилась на консервный завод.

Видимо, это вполне естественное человеческое желание – получить от работы не только удовольствие от самореализации и зарплату, но и какие-то дополнительные блага. Вот и Альберт Эйнштейн, работая клерком в патентном бюро, не раз присваивал себе чужие изобретения, как я – орешки и конфеты. Впрочем, мне хозяйева домов всегда предлагали угощаться, так что воровством это вряд ли может считаться.

Несмотря на свое неприглядное поведение, в Принстоне Эйнштейн – уважаемая персона и туристический бренд. Тут запросто можно купить одежду или сумку с его знаменитым язычковым портретом или формулой «Е равно эм цэ квадрат», посмотреть на его бюст, на дом, где он жил, и на университет, в котором преподавал.

Вот именно по территории университета я и решила сегодня прогуляться после работы, так как заканчивала в три часа дня и предпочитала провести время до вечера в Принстоне, а потом вернуться домой на автобусе.

По пятницам у меня был всего один дом, где жила чудесная сербская семья – мама, папа, две дочурки и сын. Это был мой любимый дом и любимые хозяйева. Лара, которая была немного старше меня, всегда очень приветливо ко мне относилась и даже оставляла полноценный домашний обед – суп, салат и второе. А если в доме был праздник, меня всегда ждал большой кусок торта, причем действительно нормального торта европейского образца, а не мерзопакостного американского пирога.

Детки – трехлетний мальчик и девочки пяти и восьми лет – были такими смышленными, милыми и ласковыми, что я, глядя на них, очень жалела, что не наблюдала, как рос мой сын.

Папу я видела редко, но в такие минуты испытывала благоговение перед его родительским талантом: он разговаривал с детьми, даже с самым младшим, как со взрослыми, безо всякого сюсюканья или наставлений, объясняя им, почему что-то надо делать, а что-то не стоит. Он не отмахивался от их вопросов, а обстоятельно на них отвечал, если знал ответ, и обещал ответить после консультации с интернетом, если не знал. И в такие минуты я остро понимала, что детям очень нужен отец. У моего же сына возможных отцов было двое, а реального – ни одного.

Меня поражало, что в доме с тремя детьми ничего не заляпано, на светлом диване нет пятен от шоколада и прилипших жвачек, а на обеденном столе – пролитых напитков, как это обычно бывает у американцев. Единственное, чем наличие детей в этом доме осложняло уборку, так это игрушки, растасканные по всем трем этажам. Я их все собирала и складывала в специально отведенной под игрушки комнате.

Убирать здесь было легко, времени было достаточно, и мне не приходилось спешить и все время опасливо смотреть на часы, выверяя время на каждую комнату, как в других домах. Я даже могла, прибрав половину дома, выкроить час, чтобы спокойно пообедать и почитать книжку.

Снаружи дом выглядел как каменный замок, а внутри был вполне обычным: большая кухня, примыкающая к ней столовая, гостиная с кожаными диванами, игровая, библиотека, кабинет, комната для занятий и спальни. В подвале была еще одна кухня, тренажерный зал, игровая и гостиная с выходом во двор, где стояла печь для барбекю. Везде мебель в классическом стиле, преимущественно белая, и много встроенных шкафов для одежды и обуви.

От большинства американских домов этот отличался разве что продуманностью, аккуратностью и легким сербским колоритом. Если бы на кухне не стояла посуда с национальным орнаментом, не висели прихватки в виде девушек в традиционной сербской одежде, а в детской не лежали книги со сказками на сербском языке, то этот дом выглядел бы вполне обычно для обеспеченных американцев.

Но вот атмосфера тут была другая. Это был один из немногих домов без вечно спертого воздуха и так любимых американцами ионизаторов, очистителей и освежителей воздуха. Тут знали, для чего нужны окна, и догадывались периодически проветривать дом вместо того, чтоб тратить сотни долларов на бесполезные приборы, обогащая «Магазин на диване».

Везде висели и стояли фотографии, по которым можно было отследить все веки отношений Лары и ее мужа. По фото было ясно, что встречаться они начали еще во время учебы в медицинском университете, поженились через несколько лет после выпуска, а вот детей начали заводить только после 30 лет.

Если Лара возвращалась домой раньше, чем я заканчивала уборку, то мы обычно болтали о том о сем. В первую встречу она спросила меня, как мне Америка, и я честно ответила, что я не в особом восторге ни от страны, ни от ее обитателей.

– Американцы глупенькие, правда? – спросила она, и по ее тону было заметно, что она нашла во мне родную душу.

– Да, кругозор у них с игольное ушко. Зато с каким восторгом они реагируют, когда узнают, что на Южном полюсе живут пингвины, а не страусы!

Однако сегодня я так никого из хозяев и не встретила, поэтому сразу после уборки, умывшись и переодевшись, отправилась гулять по городу.

Принстон был прекрасен, и особенно чудесна была территория университета. Снег только подчеркивал величие этих готических зданий, приводивших меня в мистический трепет. Я гуляла по кампусу и завидовала студентам, живущим в таких красивых каменных зданиях с арочными окнами.

Через два часа я замерзла и зашла погреться в магазин для студентов. Чего тут только не было! Самые разнообразные деликатесы, готовая еда на любой вкус, холодильники, чайники, одежда, игрушки, лекарства, не говоря уж о богатом ассортименте канцтоваров. Я сразу вспомнила магазинчик при своей общаге, где можно было купить разве что десяток яиц, туалетную бумагу из вторсырья и колбасу с высоким содержанием манки.

Чуть не прослезившись от этих дефицитных воспоминаний, я решила хоть сейчас себя порадовать чем-то получше манной колбасы, и купила упаковку палочек сыра проволононе, обернутых пармской ветчиной, и равиоли с тремя сортами сыра. Заплатив за все двадцатку, я отправилась к остановке.

Не успела я вдоволь налюбоваться на скульптуру читателя, как подъехал автобус.

– До куда вы, мисс? – спросил водитель, когда я шагнула на подножку.

– Я еду в Юинг, хоть мне этого и не хочется.

Глава 13. Дети, кухня, церковь

В выходные поляки, разодетые в пух и прах, идут в костел. В нашем городке это для них, можно сказать, главное светское мероприятие. Надо отметить, храмов тут больше, чем магазинов, и некоторые даже работают в три смены: по утрам служат мессы для корейских католиков, днем – для мексиканских, а по вечерам – для польских. Если Лас-Вегас – город грехов, то Юинг, похоже, город замаливания грехов.

У русскоязычного населения нашего городка то ли грехов было меньше, чем у поляков, то ли мы просто не рефлексировали по этому поводу, но в выходные ходили не в церковь, а в прачечную, по магазинам и в гости. Примерно такие же планы были у меня и на сегодня, только гости у меня были виртуальными.

В субботу с утра, не завтракая и не умываясь, я устроилась на пустой еще кухне и позвонила родителям. Вся моя семья уже была в сборе по ту сторону экрана.

– Привет, мам! Как неделя прошла? – спросил Сережа неожиданно хриплым голосом.

За пять дней, что я его не видела, он, кажется, еще больше вырос. Так, а это что, усы?! А ведь только в понедельник он расспрашивал, как какает белочка... Мой сын вырос, а я это пропустила.

– В трудах и заботах. Проверяла, понимают ли американские собаки по-русски, стирала туалетную воду с подлинника Пикассо, тратила деньги изобретателя на итальянские деликатесы.

– У тебя такая интересная жизнь, мам!

– И не говори! Сама себе завидую, когда от запаха хлора не задыхаюсь и спину распрямить могу.

Проболтав со мной полчаса о школьных делах и нехотя озвучив, какой подарок ему нужен на 13-летие, сын пошел играть в стрелялки с другом из соседнего подъезда. А я подумала, что с такими усами он скоро начнет ходить по подругам.

– Повезло мне, сын такой взрослый уже, а все ласковый, как теленок, – умиленно сказала я.

– Конечно! Раз в неделю можно быть паинькой перед мамой, которая где-то там далеко живет и подарки обещает. А нам с дедом хамит!

Папа в подтверждение ее слов укоризненно покачал головой.

– Мам, у ребенка переходный возраст, это пройдет.

– Что, как пройдет, так его и забереешь? – съязвил папа.

– Нет, сначала пусть во флоте послужит, – не растерялась я.

В конце концов, я уже одиннадцать лет хочу его забрать, но мама всегда находит причины оставить Сережу при себе.

– И еще я хочу тебе сказать... У Сережи это... постель мокрая по утрам, – пробормотала мама, потупив глаза.

– Мам, что ты мнешься? Если писается, то к урологу своди, а если кончает во сне, так это в его возрасте нормально.

Так, нужно срочно забирать ребенка от родителей. Помню я, как мне в подростковые годы мама подсовывала журнальчики со статьями о том, что онанизм – это грех, а если девушка мастурбирует, ее организм перестает вырабатывать флюиды, привлекающие мужчин. Надо Сережку забрать, пока добрая бабуля ему не напела, что от любви к себе у него пиписька отвалится.

Ничего, вернусь из Штатов с деньгами, продам машину и свою однушку, и куплю нам с сыном двухкомнатные апартаменты.

– Мама, я завтра в магазин съезжу, Сереже смартфон куплю и одежду вам всем, к его дню рождения посылка дойдет. Еще тебе тысячу долларов переводом отправлю, положи их в банк под проценты, это нам с Сережей на будущую квартиру. И еще. Папа, купи ему, пожалуйста, бритву. Неприлично же в школу с таким волосатым лицом ходить!

Прачечная располагалась напротив нашего дома и была ничем не примечательной: ряды стиральных машин и сушилок, автомат для размена долларовых купюр на четвертаки (совать только носом Вашингтона вперед), да мексиканские мамы в леопардовых леггинсах, читающие свежий «Космополитен», пока их выводок бежит по проходу. Поставив белье стираться, я сходила в местный мультифункциональный магазин, где продавали польские лекарства, книги, косметику и бело-красные флаги со всклокоченным петухом, принимали посылки и осуществляли денежные переводы. Я отправила маме деньги, а заодно пополнила счет сотового и купила картонную коробку.

Потом вместе с коробкой вернулась в прачечную, перекинула белье из стиралки в сушилку и пошла домой. Все обитатели нашей квартиры уже встали, и на кухне было шумно и тесно. Вахтанг переругивался со своей женой Розой, которая не разрешала ему пить с утра, тетя Зина готовила макароны и болтала с пившей кофе Ингой. Через кухню я прошла в нашу комнату, поставила коробку в угол за чемоданы и решила позвонить Марине.

– У моего сына начались поллюции, а я это пропустила! – пожаловалась я подруге.

– Тебя же не смущало, что тебя всю его жизнь не было рядом!

– Раньше не очень. А теперь я чувствую свою вину. Знаешь, живут же люди и в съемных комнатах с детьми, и ничего страшного. А я все жду, когда у меня будет большая квартира, чтобы его забрать. И вот ему уже скоро тринадцать, а я из них прожила с ним только три года!

– Сейчас для него друзья важнее, так что, может, и не стоит его забирать?

– Стоит или не стоит, а надо. Родители выходят в этом году на пенсию и не могут его дальше содержать. Да и Сережке нужна хорошая школа, чтобы к вузу подготовиться. Вот я и коплю на совместную жизнь с сыном.

– Это сколько лет тебе надо уборщицей работать, чтоб квартиру побольше купить?

– За два года можно накопить, чтоб мою однушку на хорошую двушку поменять. Но я столько не выдержу, и так волосы уже выпадают и в носу от химии свербит.

– И что, работаешь на смартфон и одежду сыну?

– Нет, я хочу тысяч пять баксов накопить, продать машину и купить «распашонку» в хрущевке. Но заберу его сразу, как вернусь в Россию, это я точно решила. Поживет пока на кухне.

– Отличный план: перевезти сына, чтобы поселить его между плитой и холодильником!

– А варианты? Если он займет комнату, в кухне придется жить мне!

– Вот потому ты и не замужем, что ни о ком, кроме себя, не думаешь!

– Марин, да что с тобой? У тебя что-то случилось?

– А, заметила, наконец, что у других тоже могут быть проблемы!

– Марин, да какие у тебя могут быть проблемы? У тебя отличная работа и трешка в центре.

– Ты настолько заиклена на себе, что живешь будто в розовом пузыре, вообще окружающий мир тебя не задевает! Ты отмываешь чужое дерьмо, и это тебя еще и смешит! Ты гнешь спину по десять часов, и даже тут радуешься, что зато можешь есть мороженое тоннами!

Слова справедливые, но что ж в таком тоне-то? Это же хорошо, что я на все реагирую позитивно. Но, судя по интонации, Марине так сейчас не казалось.

– Да что случилось-то?! Я тебя чем-то обидела?

– Нет, не ты, – сильным голосом сказала подруга и разревелась. – Меня уволили!

– Как, тебя же только что повысили?

– Да, но с испытательным сроком. Я месяц в новой должности проработала, а потом вместо меня взяли левого мужика, а меня обратно вернули, в холопы! Как унижительно!

– Хм, да, умеют они унижить тем, что передумали повышать. Но за что уволили-то?

– За скандал. У меня нервы сдали, и я все начальству высказала.

– Тебе давно пора отдохнуть. Съезди куда-нибудь.

– Не могу тратить деньги, пока не будет твердого источника доходов.

– Ага, а когда он есть, тебе деньги тратить некогда.

– Точно. Нет, лучше я сделаю подтяжку и заведу молодого любовника. И буду трахаться каждый день! По крайней мере, первый год.

После стольких лет, когда личной жизнью Марина считала поход к гинекологу или на эпиляцию, желание трахаться не переставая было более чем естественным.

– А потом?

– Потом буду ждать, когда позвонят из «Газпрома».

Этот ответ меня тоже не удивил: последние лет семь Марина именно так и устраивалась на все свои новые работы – стоило ей оповестить знакомых, что она ищет новое поле для применения своей высочайшей квалификации, как ей тут же звонили из какой-нибудь крутой компании и предлагали место. А круче, чем ее последняя работа, в Питере были разве что «Газпром» или «Вконтакте».

Впрочем, мало, чтоб тебе позвонили, надо еще услышать этот звонок и взять трубку. Помню, в 2007 году я, мама маленького ребенка, искала работу, и один Маринин знакомый из Питера предложил мне писать для только-только еще зарождавшихся групп «Вконтакте». Я ответила ему, что мне нужна работа со стабильной оплатой, а он предлагает что-то очень расплывчатое, и отказалась. И вот прошло десять лет, а мне все еще нужна работа со стабильной оплатой, ведь я упустила тот шанс сначала поработать на чистом энтузиазме, а потом получать деньги за рекламу в своих раскрученных группах.

Глава 14. Однополосное движение

Надо сказать, рыдающей я видела Марину второй раз в жизни. Первый был на пятом курсе, когда мы уже сдали госэкзамены. Нет, рыдала она не из-за учебы.

За несколько месяцев до этого очередной патлатый лабух, в которого она влюбилась, вдруг ответил ей взаимностью.

Дошло до интима, и далеко не раз, и Марина уже рисовала себе в мечтах, как они поженятся и снимут избушку за городом. Она будет днем учить детей в сельской школе, а вечером вести хозяйство и вязать тряпичные коврики. Лабуху же полагалось заниматься исключительно творчеством. При этом Марина заранее готова была прощать ему все измены.

Странно, но его такая перспектива почему-то не прельстила, и вскоре он мою подругу бросил. Она приняла это без скандала, без слез и даже без порчи его фотографий. В апреле, когда мы уже сдали госэкзамены и оставалось только дописать и защитить дипломные работы, она вдруг меня спросила, какое число. Оказалось, у нее уже на три недели запаздывали месячные.

Она была в таком трансе, что за тестом в аптеку пришлось идти мне. Потом я довела ее до кабинки общажного туалета, вручила вынутый из коробочки тест и велела: «Ссы!»

Через пять минут я услышала из кабинки громкие захлебывающиеся рыдания и распахнула дверь, которую она так и не закрыла. Подруга сидела на полу и даже не вытирала катившиеся из глаз слезы. В руке она сжимала тест с одной полоской.

Я заставила ее встать и умыться, привела в нашу комнату и стала отпаивать пустырником. Она пила горькую жидкость вместе со слезами, стекающими в стакан.

– Ну что ты ревешь? Это просто счастье, что ты не залетела! Что может быть хуже, чем забеременеть перед выпуском?! На работу в первые пару лет не устроиться, а потом все знания забудутся, да к тому же кому нужна девка двадцати пяти лет без опыта работы и с дитем? Нет, ребенок тебе сейчас противопоказан! Это ж крест на карьере! Радуйся, что тебя ничто не связывает!

Поверьте, сейчас я сказала бы ей то же самое. Только сейчас, когда я мать-одиночка, в тридцать пять моющая чужие унитазы, она бы к моим словам прислушалась. А тогда она просто рыдала. Два дня. Но после этого Марина и решила измениться.

После выпускного она попросила у маман довольно крупную сумму и уехала в Питер. Изначально мы планировали поехать вместе, но я сразу же после выпускного выиграла очередной конкурс и улетела на стажировку в Варшаву как подающий надежды театральный критик.

В Питере Марину как подменили: она пошла в лучший салон, где ей сделали стильную стрижку и научили накладывать макияж, сменила унылые шмотки на яркие наряды и устроилась работать пресс-секретарем в компанию, владеющую сетью магазинов одежды.

Так начался ее путь в пиаре, более чем успешный: когда через три года я перебралась в Питер, она уже открыла собственное пиар-агентство и с доходов от него роскошно обставила квартиру – подарок маман на двадцатипятилетие.

Первое время после переезда я жила у нее. Собственно, я потому и переехала, что она меня к себе пригласила и пообещала помочь с работой. И не обманула – с ее легкой руки я оказалась штатным автором популярного женского журнала. Вскоре меня повысили до редактора, а у Марины завязался роман с отличным парнем, и я сняла себе отдельное жилье, чтобы не мешать их счастью.

Многие люди хотят все и сразу. Только вот получается, что для жизни лучше бы что-то одно. Бизнес Марины разрастался, она все чаще пропадала на работе и все больше зарабатывала, и ее жених стал себя чувствовать одновременно покинутым и неуспешным. В итоге поданное заявление в загс так и не привело к свадьбе, и Марина впала в депрессию.

Пока она смотрела сериалы и обедалась сладким, конкуренты успели ее обойти, а когда она опомнилась, начался кризис, и прежние позиции она себе так и не вернула. Контору пришлось закрыть, и оставалось только радоваться, что Марина всегда была осторожна с финансами, и особенно чужими, и не наделала долгов.

Но надолго она без дела не осталась – в профессиональной среде были наслышаны о ее способностях, поэтому вскоре она получила место в пресс-службе одного из банков. И с тех пор она полностью сосредоточилась на работе, часто повторяя: «Карьера не проснется утром, чтобы сказать: "Я тебя больше не люблю"».

Подсказав Марине, на каких сайтах знакомств лучше искать молодого и горячего, я пошла забирать белье. Доставая вещички из барабана сушилки, часть я выкидывала прямо в урну в прачечной, потому что кружева на лифчиках и трусах порвались и восстановлению не подлежали. «Надо было сушить их на батарее», – пожурила я сама себя и решила завтра купить себе новое белье. А сегодня меня ждали более прозаические покупки – продукты, туалетная бумага и стиральный порошок.

Глава 15. Потребительский рай

Магазины в нашем околотке были не хай-класса, зато в этих скромных польских лавочках можно было купить нормальную человеческую еду, по которой понятно, из чего она сделана. Правда, за натуральный сыр, вкусную колбасу и не пахнущий химикатами хлеб и платить приходилось прилично, так что к полякам мы ходили лакомиться только по праздникам или на чаевые.

В обычные дни нужда гнала нас в «Севелот»¹¹, где продавался пахнущий ацетоном фарш, бананы с травянистым привкусом, копченые гузки индюшек, батончики мюсли и большой ассортимент полуфабрикатов, газировки и чипсов.

Наверное, я бы в этой местности не выжила, если бы поблизости не было еще и фермы, при которой находился магазин. Как всегда, сегодня я накупила здесь полные сумки молочных продуктов, что было совсем не удивительно, так как молоко, сок и эгг-ног разливали исключительно в двухлитровые коробки. Кроме напитков, я взяла творог с ананасом, гигантские яйца джамбо (которые русскоязычное население называло чернобыльскими) и три банки мороженого – с пеканом, миндалем и вишней.

В этот раз, имея в кармане чаевые от аргентинца, я зашла по дороге еще и в польский гастроном и накупила на его двадцатку по полфунта¹² королевского сыра и свадебной колбасы, кусок торта, банку маринованных огурцов и два маленьких хлебца.

Я уже успела прийти домой, разложить покупки по шкафчикам и холодильнику, сварить суп и пообедать, а времени было всего два часа. В квартире мне делать было нечего, и я решила поехать за серьезными покупками прямо сейчас.

В Нью-Джерси у водителя автобуса всегда есть нож в кармане. Он им проталкивает мелочь, застрявшую в автомате для оплаты проезда. А мелочь у меня застревала часто, так как мне скучно было опускать в автомат два с половиной доллара монетками по одному, пять и десять центов, и я кидала в отверстие целую звенящую кучку. Другие пассажиры и водители меня за это ненавидели, но так как за неделю монет накапливалось на одну поездку, а проезд в общественном транспорте – практически единственная возможность сбыть эту мелочь с рук, ситуация повторялась снова и снова.

Наконец я оплатила проезд и села на свободное место рядом с теткой, громко разговаривающей по телефону. Она еще и бурно жестикулировала при этом, так что я боялась, что после ее энергичных рэперских пассивов у меня вся левая половина тела будет в синяках.

На переднем сидении латиноамериканская девочка долго орала, требуя всеобщего внимания. Когда она наконец вышла, я помахала ей рукой. Но свято место пусто не бывает. В автобус зашел афроамериканец, развалился на заднем сиденье и тоненьким полупридушенным голоском затянул песню про свою жизнь. Собственно, так и затянул: «O my life¹³». Вне всякого сомнения, до автобуса он тоже затягивался: от него исходил отчетливый запах испуганного скунса. Хотя, как знать, может, автобус и правда скунса переехал.

Через полчаса езды в компании обкурившегося певуна, стайки подростков-содкастеров¹⁴ и еще десяти лиц разной вменяемости я уже была в отделе электроники огромного гипермаркета. Не успев даже особо поразиться, насколько смартфоны известной американской марки

¹¹ Save a lot – «Сэкономь много»

¹² Фунт равен примерно 454 граммам

¹³ «О, моя жизнь!» (англ.)

¹⁴ Sodcaster (англ.) – человек, громко слушающий музыку на мобильном телефоне в общественных местах, обычно в транспорте.

здесь дешевле, чем в России, я безо всяких очередей купила Сереже подарок и отправилась в отдел с одеждой.

Вот там я действительно удивилась: за десять баксов можно было составить весьма неплохой комплект одежды, чтобы ходить в спортзал, или делать уборку, или спать. Впрочем, тут спортивные костюмы, легинсы с футболками и пижамы с Винни-Пухами никого не смущают и в общественных местах.

Я отвела душу, истосковавшуюся по ярким вещам за время работы на серьезной должности, накупив себе цветных легинсов по четыре бакса, футболок с мультяшками по два и спортивных брюк по пять.

Родителям и сыну я тоже прикупила разного трикотажа, только более консервативных цветов и без Микки-Маусов и лисичек. Кто бы знал, что можно купить фирменные джинсы известной марки на распродаже в гипермаркете по девять долларов!

Вообще мой опыт говорил, что в Америке дешевле одеться, чем поесть. Например, на пятьдесят долларов можно купить нижнее белье, футболку, джинсы, свитер, кеды, бейсболку и ветровку либо самые банальные продукты на неделю, и при этом качеством одежды ты будешь доволен, а едой – нет.

Из отдела одежды я катила полную тележку, но все-таки решила пройтись и по другим частям магазина. В отделе косметики я взяла несколько недорогих, но хороших масок для лица. Сейчас, когда на мою кожу постоянно попадали брызги стеклоочистителя, хлорных спреев и другой бытовой химии, пыль и неизвестно что еще, мне приходилось ухаживать за ней по максимуму, каждый вечер делая маску, а по утрам и вечерам накладывая щедрый слой крема. В итоге лицо стало выглядеть даже лучше, чем в мою бытность главным редактором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.